

ИВАН ГАВРИЛЕНКО,

доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Пол Лазарсфельд: жизнь и творчество К 100-летию со дня рождения

Abstract

The biographical essay on the life and work of P.Lazarsfeld presents the scientist's family and close environment, the circumstances accompanying the beginning of his professional career in Europe and his emigration to the USA where his formation as a classic in sociology took place, and finally, his activity in the post-war Europe. The author analyses the role of P.Lazarsfeld in the development of instrumental sociology, his position in the arguments between conceptual and experimental approaches in social sciences.

Одним из пробелов в преподавании истории социологии является недостаточное внимания к биографиям выдающихся ученых. А ведь довольно часто наблюдается бесспорная связь между личными обстоятельствами жизни и результатами их теоретических поисков. Вряд ли социологическая система Г.Спенсера имела бы столь выраженный “организмический” характер, не будь он биологом. Не исключено, что Э.Дюркгейм не заложил бы основы социологии образования, если бы не заведовал соответствующей кафедрой в педагогическом училище, а П.Сорокин не стал бы авторитетным теоретиком революции, не принимай он непосредственного участия в российских революциях февраля и ноября 1917 года. Примеры в пользу данного утверждения можно было бы приводить и дальше.

Вот почему автор предлагает вниманию читателя аналитико-публицистическое изложение биографии П.Ф.Лазарсфельда. Этот социолог является одним из основателей эмпирической социологии, ее наиболее ради-

кального варианта — инструментализма, или маркетинговой социологии. Вместе с тем он был также автором ряда прикладных методов социологии, оставив после себя плодотворные исследования в сфере математико-статистического анализа полученных данных. В то же время он, пожалуй, относится к наименее известным в Украине классикам социологии — и как теоретик, и как личность.

Есть еще один момент, делающий актуальным обращение к теоретическому наследию и личному опыту П.Лазарсфельда.

В 2001 году исполняется 100 лет со дня его рождения. Обойти вниманием это выдающееся для сообщества социологов событие никак нельзя.

Семья и ближайшее окружение. Начало профессиональной карьеры

Пол Феликс Лазарсфельд родился 13 февраля 1901 года в семье венского адвоката, члена и пылко приверженца австрийской социал-демократической партии. Его партийная работа заключалась преимущественно в предоставлении бесплатных юридических консультаций по делам партии. Мать П.Лазарсфельда (Софи Лазарсфельд) разделяла симпатии мужа, была хозяйкой и главной коммуникативной фигурой так называемого “салона Лазарсфельда” — места встречи венских интеллектуалов социалистических убеждений. Среди постоянных посетителей салона были такие известные к тому времени в Вене люди, как Рудольф Гилфердинг, Отто Бауэр, Карл Ренер, Макс Адлер — идеологи и теоретики австрийской социал-демократии и так называемого австро-марксизма как относительно автономного течения. Атмосфера в ближайшем окружении Лазарсфельда с раннего детства была марксистской по мировоззренческим и социалистической по политическим ориентациями.

К тому времени значительную, если не руководящую, роль в австрийской социал-демократии играли венские интеллектуалы преимущественно еврейского происхождения, в том числе родители Лазарсфельда. Обращение этих людей к марксизму как мировоззренческой, политической и культурно-идеологической доктрине не было случайным, оно определялось спецификой исторической эволюции Австрии конца XIX — первой половины XX столетия. В 1867 году к власти в Австрии пришли либералы, что породило надежды на демократизацию и модернизацию общества, в частности на преодоление традиционной дискриминации еврейской общины. Однако либералистские реформы натолкнулись на решительное сопротивление со стороны централизованной и крайне бюрократизированной австро-венгерской монархии, католической церкви и распространенных среди простых австрийцев бытового расизма и антисемитизма. Объединившись, эти силы со временем явились толчком к формированию нацизма, корни и истоки которого следует искать в Австрии.

Разочаровавшись в австрийском либерализме, еврейский интеллектуальный авангард обратился к марксистской доктрине, надеясь в пролетарском интернационализме найти решение еврейского вопроса [1, 2], а также к социал-демократии как возможному защитнику прав еврейской общины на автономию и самоопределение. Интересно заметить, что из рядов радикально-демократической студенческой молодежи вышли основатели австрий-

ской социал-демократии Виктор Адлер, психоаналитик Зигмунд Фрейд, автор теории относительности Альберт Эйнштейн и основатель сионизма Теодор Герц.

Наибольшее влияние среди постоянных посетителей “салона Лазарсфельда” на Пола Лазарсфельда имел Фридрих Адлер, сын основателя австрийской социал-демократической партии Виктора Адлера. Он имел очень теплые отношения с Софи Лазарсфельд. Ей он присылал письма из тюрьмы, куда попал в связи с убийством австрийского премьер-министра графа Стюркха. Фридрих Адлер был, к тому же, талантливым физиком и, по современной терминологии, политологом. Будучи последователем Э.Маха, он стремился соединить его эмпириокритицизм с историческим материализмом К.Маркса, чем вызвал в свое время недовольство со стороны В.И.Ленина, высказанное в “Материализме и эмпириокритицизме”. Именно Адлеру Мах предложил кафедру, но тот отказался в пользу другого ученика Маха — Альберта Эйнштейна, считая последнего более одаренным. Поль Лазарсфельд был среди тех, кто выступил в защиту Фридриха Адлера от лица лицеистской и студенческой радикально ориентированной молодежи, часть которой составила в дальнейшем ядро компартии Австрии. Можно с уверенностью сказать, что в молодые годы Лазарсфельд был не только политически активным, но и радикалом по убеждениям. Об этом свидетельствует и тот факт, что сразу же после Первой мировой войны он был активистом политического объединения “Красные Соколы”, работал с социалистически настроенными представителями молодой генерации, вел воспитательную работу среди рабочих, был едва ли не известнейшим руководителем кружка “Красная Вена”.

Вместе с тем Лазарсфельд проводил интенсивную научную и преподавательскую работу, на первых порах, с середины 20-х годов (следуя примеру Фридриха Адлера) как физик и математик, преподаватель этих дисциплин в одном из венских лицеев. Усвоенные им в атмосфере, царившей в семье и ближайшем окружении, марксистские убеждения подверглись в это время серьезным испытаниям. В первую очередь, под действием идей махизма, потом позитивизма, весьма распространенного к тому времени среди венских интеллектуалов благодаря деятельности Шлика и “венского кружка”. Не обошел его своим влиянием и психоанализ, немало известных сторонников которого (в частности, Альфред Адлер) также постоянно посещали “салон”. Эти достаточно противоречивые идейные предпосылки в дальнейшем не могли не сказаться на выборе профессиональной карьеры П.Лазарсфельда. По нашему мнению, радикально позитивистски истолкованная социология (инструментализм, маркетинговые и зондажные исследования) явилась ответом ученого на эту разноголосицу, специфическим синтезом политического марксизма с философским позитивизмом на фоне тяги к естественным (“точным”) наукам, которая проявилась в практическом применении математико-статистических методов.

Решающим на этом пути стало привлечение П.Лазарсфельда (1927 год) к работе — статистом — в группе Шарлотты и Карла Бюлеров. Последние занимали особое место в интеллектуальных кругах тогдашней Вены. В частности, они руководили педагогическим институтом, финансируемым муниципалитетом. Институт предназначался для повышения квалификации городских учителей и вместе с тем широко развернул прикладные

исследования в области экспериментальной и социальной психологии. Это были явно новаторские начинания, шедшие вразрез с университетскими программами, где преподавание гуманитарных и социальных наук все еще строилось преимущественно на идейно-теоретических принципах официального католицизма.

Осуществляя прикладные исследования, ученые института значительное внимание уделяли технике анкетирования и технологии анализа полученных данных, что в дальнейшем стало главным предметом научного интереса П.Лазарсфельда. Дружный и сплоченный коллектив институтских исследователей (чему в значительной мере способствовали и общее происхождение, и периферийное положение в университетской среде, и социалистические ориентации как ответ на агрессивный антисемитизм в сочетании с антисоциализмом со стороны университетских структур) несколько смягчил прежний политический радикализм Лазарсфельда, а со временем направил его интенции к собственной академической карьере. Но какое-то время он еще продолжал подчинять научные исследования партийным интересам. На это была направлена и деятельность созданного им в рамках института социологического центра, работавшего на контрактных условиях. В поисках заказов он не чурался никаких исследований, например, активно изучал влияние радио и газет на массовую аудиторию и т.п. Коммерческий характер центра побуждал также к накоплению полученных данных для предложения их в качестве товара другим исследовательским структурам. Именно так у Лазарсфельда завязались деловые отношения с Франкфуртским институтом социальных исследований и личные — с его сотрудниками Максом Хоркхаймером и Эрихом Фроммом, стремившимися опираться на эмпирические данные в исследовании авторитарного влияния семьи. Среди постоянных клиентов центра была и социалистическая партия.

Именно в этот период были опубликованы такие труды П.Лазарсфельда, как “Молодежь и профессия” (1931) и “Безработные Мариенталь” (1934), основанные преимущественно на социографических методах (исследовании каждого отдельно взятого социального объекта). В частности, ученый изучал социальные последствия безработицы в небольшом провинциальном городке Мариенталь. Значительный вклад в это исследование внесли сотрудники центра Ганс Зайсель, жена Лазарсфельда Мария Ягода, а также будущий канцлер Австрии Бруно Крайский.

В политических ориентациях в этот период П.Лазарсфельд вместе со всей австрийской социал-демократией постепенно переходит в большей мере под влиянием Ф.Лассаля, на социал-реформистские позиции. Это означает, что вместо насильственной революции в его мировоззрении все большее место занимает “рабочий вопрос”, вместо диктатуры пролетариата — научное обоснование управления, вместо отмирания государства — его теоретически взвешенное реформирование. Такое новое направление деятельности требовало соответствующего научного обеспечения, стимулируя дальнейшие конкретно-социологические изыскания ученого и утверждая его в недоверии к революционной стихии и воинствующему “спонтанизму” вождей.

Эмиграция в США: становление классика

Публикация упомянутых трудов принесла П.Лазарсфельду определенную известность в зарубежных социологических кругах. Однако Фонд Рокфеллера заинтересовали прежде всего работы по маркетингу, осуществляемые его исследовательским центром. В 1932 году Лазарсфельд был приглашен в США сроком на 2 года для изучения потребительских предпочтений американских покупателей. Поездка в США оказалась на удивление удачной для обеих сторон: американская получила достаточно обоснованные и технически совершенные исследования рынка, а Лазарсфельд обнаружил свое истинное призвание и стал основателем нового направления в социологии. Исследуя потребительское рыночное поведение, ученый убедился, как пишет он в одной из своих автобиографических заметок, в “методическом соответствии” между поведением на выборах и покупкой мыла, что и вызвало у него стойкий интерес к маркетинговым исследованиям, которые он с тех пор никогда не оставлял [6, с.279]. И первая же статья, которую он публикует в США, была посвящена технике интервью в маркетинговых исследованиях [7, с.32–43].

Следует отметить также, что в значительной мере Лазарсфельду повезло с той американской командировкой: он, как говорится, появился в нужном месте в нужное время. Дело в том, что конкретно-социологические исследования в США как раз входили в моду. Их поддерживал президент Гувер, а во времена правления Рузвельта, “новый курс” которого предполагал усиление государственного контроля над социальными процессами, а следовательно, накопление социальной статистики и информации, эмпирическая социология получила особое распространение.

Это обусловило трансформацию социальных наук, придавая им как можно более инструментальный характер, а также трансформацию стиля политического руководства, которое от прямого физического принуждения и контроля переходит к манипуляции мотивами и стремлениями людей. Интеллигенция и власть, которые до сих пор относились друг к другу с некоторым недоверием и отчуждением, начали искать пути к взаимопониманию и сотрудничеству. Наиболее активное участие в этом сближении принимали частные фонды, с готовностью инвестируя средства в исследования, связанные с “политикой социальных реформ”. Примем во внимание также традиционный прагматизм американского общества и тот особый исторический момент, который оно переживало, выходя наконец из кризиса 30-х годов [3, с.434].

Маркетинговые интенции Лазарсфельда, тем не менее, не совсем отвечали традиционному даже для американских академических кругов, стремлению к самоизоляции и определенной замкнутости. Поэтому контрактные исследования Лазарсфельда осуществлялись чаще всего вне университетов. Как и в Австрии, научная деятельность ученого протекала за пределами академических кругов и в определенной конфронтации с упрочившейся университетской традицией. Поэтому среди его близких знакомых и друзей, которые со временем стали признанными метрами в своих областях знания, было больше социальных психологов, предрасположенных к наблюдениям и экспериментам, таких как Лютер Фрай, Ренси Ликерт, Джон Дженкинс, нежели философов и социологов общетеоретического направления.

О том же свидетельствуют его связи с официальными структурами — Американской Ассоциацией по маркетингу и Психологической корпорацией, откровенно ориентированными на прикладное применение полученных результатов.

Среди собственно социологов Лазарсфельду удалось установить тесные дружеские контакты лишь с Робертом С.Линдом, автором известного труда “Средний город”, полностью построенного на социографических наблюдениях и анкетных опросах. Роберт С.Линд особенно помог Лазарсфельду в первые годы его пребывания в США.

Между тем в Австрии происходили события, повлиявшие в дальнейшем не только на нее, но и на весь цивилизационный процесс XX столетия.

Политический вес тут все более и более приобретал католико-фашизм, идеологически насквозь пронизанный одновременно расизмом, антисемитизмом, антикоммунизмом и антилиберализмом. Социалистическая партия была запрещена, жену Лазарсфельда М.Ягodu, руководившую созданным им социологическим центром, арестовали. Практически помимо воли Лазарсфельд оказался в ситуации эмигранта. Перед Второй мировой войной он лишь дважды приезжал в Австрию: в 1935 году, чтобы урегулировать вопрос с эмиграционными документами, и в 1937-м, с частным семейным визитом.

Возникает ряд вопросов, без выяснения которых биография ученого не будет ни полной, ни корректно интерпретированной. Была его эмиграция добровольной или вынужденной? Произошло это по политическим убеждениям или по сути научных интересов? Возвратился бы он в Австрию при иных социополитических обстоятельствах?

Можно выдвинуть вполне обоснованную гипотезу, что П.Лазарсфельд остался бы в США в любом случае. Среди личных мотивов жизненного выбора научные интересы в это время у него явно доминировали над политическими. Как и у Вебера, ученый в нем победил политик. А среди научных интересов стремление к прикладным (инструментальным) исследованиям и работа на заказчика явно возобладали над отвлеченно-теоретическими соображениями. Сугубо теоретический интерес для него представляют лишь техника получения эмпирической информации и методы анализа полученных данных. Если для таких инноваций атмосфера даже американских университетов не была слишком благоприятной, то об австрийских и прочих европейских академических структурах нечего и говорить. Вместе с тем, оставаясь в США, он должен был решить некоторые личные проблемы, и важнейшими среди них были афiliation в университетские академические круги и завоевание признания и авторитета в американских привилегированных кругах — среди белых англосаксонских протестантов.

Разумеется, в США П.Лазарсфельд не мог, даже если бы и хотел, заниматься политикой. Эмигрант вообще, а европейский эмигрант еврейского происхождения в идеологически консервативном американском обществе тем более, не является политической фигурой, по определению. Этому отнюдь не благоприятствовали такие факторы, как отсутствие какого-либо рабочего, социалистического или профессионального движения с политической окраской в США того периода, лингвистические трудности, предубежденное отношение к любому радикализму среди зажиточных американцев — потенциальных его инвесторов и заказчиков. Не наладились у него отношения и с австрийской политической эмиграцией, которая после

установления фашистской диктатуры в Европе осела в США. Хотя состав эмигрантов, казалось бы, полностью соответствовал социокультурному профилю Лазарсфельда: 30% представителей социальных наук, 27% медиков, 21% биологов, 18% гуманитариев [10, с.49]. Естественно, что среди них преобладали лица еврейского происхождения. Насколько Лазарсфельд отошел на это время от общественной деятельности вообще, свидетельствует такой факт: он не поддерживал даже созданного его некогда боготворимым другом молодости Фридрихом Адлером центра по трудоустройству эмигрантов. Хотя никогда не уклонялся от того, чтобы оказать кому-то персональную помощь деньгами или советом.

Сам П.Лазарсфельд объясняет свою тогдашнюю активность как реализацию “латентной стратегии” поиска и создания такой научно-исследовательской структуры, которая бы занималась прикладными дисциплинами, инвестировалась через коммерческие контракты и была вместе с тем тесно и органично связана с университетской жизнью. Обстоятельства для такого проекта в США были достаточно благоприятными: становление “государства всеобщего благоденствия” органично предполагало разумную социальную политику, основанную на соответствующих социологических исследованиях. А тесная связь с политикой и политиками, похоже, порождала иллюзию причастности к политической сфере, хотя в иной форме. О прикладных социальных исследованиях как разновидности политической работы Лазарсфельд прямо заявляет в некоторых своих трудах.

Следует признать, что научная и преподавательская карьера П.Лазарсфельда в США была весьма успешной. С помощью Р.Линда в 1935 году он занимает должность профессора в Нью-Йоркском университете, правда, в рамках программы, финансируемой молодежным комитетом. Впервые в жизни он входит в академические круги, оставаясь при этом независимым исследователем, финансируемым посредством частных и других негосударственных контрактов. Сферой научных интересов Лазарсфельда на это время остаются проблемы адаптации и безработицы среди молодежи. Хотя он не избегает и исследования таких более “вульгарных” проблем, как мотивы выбора женщинами одежды или водителями марки бензина. Но проектом, который сделал его широко известным среди американских социологов и позволил окончательно легализовать “Бюро прикладных исследований”, стало изучение влияния радиопередач на коллективное поведение по программе “RADIO RESEARCH PROGRAM”, финансируемой Фондом Рокфеллера. В конце Второй мировой войны (в 1944 году) его Бюро подписывает контракт с Министерством обороны США на эмпирические исследования в армии. С.Стоуфер, сотрудник П.Лазарсфельда, становится исполнительным директором этого проекта, а Р.Мертон, тоже сотрудник Бюро, два года работает в Вашингтоне над его выполнением. На основе полученных результатов была издана широко известная книга “Американский солдат”. Ситуация военного времени настолько упростила политические отношения, что еврей, эмигрант и социалист Лазарсфельд завязал достаточно тесные деловые и личные контакты с американским институтом стратегических исследований, будущим ЦРУ.

Среди сотрудников этой службы были, кстати, и социологи из Франкфуртской школы социологии, в частности Г.Маркузе.

В 50–60-е годы П.Лазарсфельд окончательно утверждается как неоспоримый авторитет в социологии, а его методы и технология исследования получают статус классических. Теоретически они обобщены в его совместном с Р.Будоном труде “Математические методы в социологии”. Кстати, французский вариант этой книги можно найти, в неразрезанном виде, в библиотеке В.И.Вернадского.

Борьба “эксперта” против “интеллектуалов”

В утверждении собственной концепции социологических исследований П.Лазарсфельду приходилось одновременно сражаться на многих фронтах.

Одним из них была борьба с приверженцами любой *общей* социологической теории, правомерность существования и полезность которой он отрицал. К тому времени в зарубежной социологии господствующее положение занимали марксизм (преимущественно в Европе) и структурный функционализм (преимущественно в США). В сугубо теоретическом плане они в равной степени были чужды инструменталистским интенциям Лазарсфельда. Однако его критические стрелы были направлены прежде всего против марксизма. К структурному же функционализму он сохранял сочувственное равнодушие и даже некоторую симпатию. В интервью одному из немецких журналов он, в частности, признавался: “У меня нет такого ощущения, что я конкурирую с Парсонсом. Наоборот, могу привести пример, доказывающий влияние последнего на меня. В предисловии к известной книге “Структура социального действия” он привлекает внимание к нормативным элементам отношений “средства–цели”, постоянно это подчеркивая. До какого-то времени я пренебрегал нормативным аспектом процессов принятия решений, пока Парсонс, или скорее Парсонс с помощью Мертона, не привлекли к этому факту и мое собственное внимание” [5, с. 805]. Данная ситуация требует пояснения, учитывая его марксистское воспитание и соучастие смолоду в работе австрийской социал-демократической партии.

Дело в том, что структурный функционализм в США к тому времени был таким же символом веры, как и марксизм для левой европейской интеллигенции. Практически он был официальной доктриной, реализуя не только методологическую, но и идеологическую функцию, освящая устоявшийся порядок вещей. При этом структурный функционализм претендовал на роль идейно-теоретических оснований прикладных социологических исследований. И хотя в сущности это не выходило за рамки тавтологии (эмпирические исследования лишней раз иллюстрировали то, что утверждалось в “большой” теории), возникала иллюзия единства теории и практики. Вместе с тем марксизм рассматривался в Америке как чистая патетика, спекуляция или же достаточно опасная политическая вера. Стремясь занять в американской социологии, в академических, политических и деловых кругах Америки лидирующее положение, П.Лазарсфельд не мог не учитывать всех этих обстоятельств. Возможно также, что его терзали муки совести, как это бывает с каждым, кто меняет веру. Довольно часто остаток жизни они убеждают себя в правомерности сделанного выбора. Но что бы то ни было — главным предметом его теоретической критики был марксизм, а основным объектом личных нападок — марксисты. Прежде всего те, что оказались поблизости, например, отдельные представители Франкфуртской школы, принимавшие непосредственное участие в его проектах.

Хотелось бы при этом подчеркнуть специфику такой критики. П.Лазарсфельд никогда не отвергал никаких идейно-методологических оснований этих теорий. Сделав это, он был бы вынужден предложить взамен принципиально другие основания социологического теоретизирования, которых Лазарсфельд просто не имел и все тут. Его собственный вклад в развитие социологии состоял в прагматизации ее в инструменталистско-продуктивистском духе. Он требовал лишь эмпирической или статистической верификации основных понятий и утверждений от своих оппонентов.

Учитывая это, совсем иначе выглядит продолжительный личный конфликт П.Лазарсфельда и Т.Адорно. Его часто сводят к конфликту европейской и американской культур или “психологий”, к личной несовместимости, что далеко не так. Это противостояние носило объективный научный характер, как персонифицированная оппозиция различных форм существования и развития социологии. Более того, конфликт этот и до сих пор еще не разрешен, в частности в среде украинских социологов. Следовательно, и сегодня актуален и жизненно важен.

Как уже отмечалось, связи Лазарсфельда с Франкфуртским институтом социологических исследований установились еще в довоенное время. Они были достаточно тесными и взаимовыгодными, доказывая необходимость и полезность специализации в сфере социологических исследований. В США эти отношения возобновились. По просьбе М.Хоркхаймера П.Лазарсфельд назначил Т.Адорно директором “музыкальной” части конкретно-социологических исследований в рамках проекта “RADIO RESEARCH PROJECT”. Но их общая работа сразу же натолкнулась на взаимное непонимание, недовольство и обиды. В некоторых интервью П.Лазарсфельд со временем признавал, что он не возражал против предложенной Т.Адорно интерпретации отдельных феноменов, но был против той научно-методической базы, на которую она опиралась. Особое сопротивление вызывало у него нежелание Т.Адорно подвергнуть эмпирической верификации свои, как считал Лазарсфельд, “спекуляции”. Проблема, собственно, сводилась к тому, *что* в социологии считать новым знанием: новые формы интерпретации социальных феноменов или новую информацию, полученную в результате применения новой техники получения данных.

Интересным в этом контексте представляется отношение обоих мыслителей к своей клиентуре и респондентам. Для Лазарсфельда их требования, потребности, ожидания и указания были законом. Для Адорно — это всего лишь объект критики, неполноценный человеческий материал, требующий дальнейшего совершенствования, носители исторически ограниченных потребностей, мышления и практики. Отсюда и различное отношение к американскому обществу и своему месту в нем. Лазарсфельд любой ценой стремится приспособиться, быть полезным и нужным (востребованным), получить престижный статус. Он рассматривает себя как полноценного американца, лояльного гражданина Америки, даже обывателя. Для Адорно и других представителей Франкфуртской школы характерно критическое отношение к американскому обществу, восприятие эмиграции как печальной необходимости. Они продолжают пользоваться немецким языком. И только под давлением обстоятельств переходят на английский. Себя они рассматривают как “чистых интеллектуалов”, вынужденных временно проживать в малоинтеллектуальном обществе, как носителей европейской

культуры. К этому добавляется ироническое отношение к тем эмигрантам-соотечественникам, которые стараются быть более американцами, чем сами американцы. В отличие от Лазарсфельда, они — не апологеты, а критики американского образа жизни, который, согласно их толкованию, является высшей формой отчуждения, присущего промышленному обществу [4, с.33].

Возвращение в Европу: экспансия инструментализма

Репатриантом Лазарсфельд не был. Америка стала для него не столько второй, сколько единственной родиной. Он там прижился, получил постоянный достойный статус и признание. Постепенное превращение социологии в технику получения и анализа данных стало для Лазарсфельда не просто научной позицией, а личной страстью, своего рода хобби, если не манией. Как вспоминают его сотрудники, “для него жизнь была работой, а работа — удовольствием. Он мог сидеть часами, проигрывая различные математические модели. Он даже говорил, что данные сами по себе его не интересуют. Главное — оперирование статистическим материалом” [10, с.56].

При таких умонастроениях Лазарсфельд не мог не использовать свои посещения послевоенной Европы, чтобы утвердить такое понимание и среди европейских социологов. Тем более, что подобно США 40-х годов Европа в то время тоже выходила из кризиса, а следовательно, остро нуждалась в перестройке управления на научных основаниях. Эмпирическая американская социология казалась в этих условиях наиболее надежной почвой подобной перестройки.

Материально-технической базой осуществления “плана Маршалла” в культуре и науке стали разнообразные финансовые фонды (Форда, Рокфеллера и т.п.), которые и раньше никогда не упускали случая расширить поле влияния на международной арене. Стратегия их обычно заключалась в том, чтобы подготовить интеллектуальное и культурное поле для политической экспансии, а также закрепить достигнутый результат. В плане послевоенной Европы задача сводилась к тому, чтобы оказывать содействие модернизации (фактически американизации) общества и привить иммунитет к марксизму, коммунизму и вполне вероятной советизации.

Социальным наукам отводилась решающая роль в осуществлении этого проекта. При условии, что они сами модернизируются, то есть американизируются. Инструментальная социология П.Лазарсфельда, ее нацеленность на решение практических задач в конкретной социальной ситуации соответствовала этому как нельзя лучше. Она должна была утвердить американский эмпиризм, продуктивизм и прагматизм, преодолев вместе с тем традиционную для европейских ученых склонность к философским интенциям, поиску “мировой схематики”, стремление к созданию “больших теорий”.

Начиная с 1951 года П.Лазарсфельд принимает в этой деятельности и непосредственное участие как консультант Фонда Рокфеллера, действовавшего на европейской арене особенно активно. Он был в числе организаторов при создании Венского института перспективных социальных исследований, был разработчиком программ научно-культурного обмена с Польшей и Югославией. Опосредствованно же Лазарсфельд практически контролирует все подобные программы: почти все консультанты других фондов в области социологии были связаны с деятельностью его “Бюро прикладных социальных исследований”.

Как правило, программы, поддерживаемые американскими фондами, были достаточно емкими, основательно финансируемыми (часто — более 1 млн. долл.) и заботливо контролируемые. Они имели целью, как писалось в одном из отчетов Фонда Рокфеллера, “преодолеть недоразвитость европейских социальных наук”. Недоразвитость здесь интерпретируется как недостаточная инструментальность и прагматизм, а для преодоления ее предполагается стандартизация понятий и техники исследований, унификация национальной специфики и налаживание международного научного сотрудничества. Тактика заключается в том, чтобы проводить рестратификацию обычной для Европы иерархии научных званий, степеней и должностей, поддерживая материально и морально прикладные исследования и исследователей и тем самым ослабляя “глобализаторские” интеллектуальные традиции и тенденции.

П.Лазарсфельд вполне естественным образом оказался в эпицентре всех этих процессов и событий. Помимо теоретических разработок, сущность которых заключалась в трансформации методологии в методы, теории — в анализ данных, идеологии — в технологию и т.п., он предложил адекватные ситуации принципы организации социологических исследований: разработки программ, распределения функций, специализации, стандартизации, строгого административного контроля, распределения по этапам, отчетности, персональной ответственности и т.п.

Вместе с тем он стремится по-новому истолковать саму историческую эволюцию социологии, подавая ее в виде продвижения европейской социологии к требованиям американской вообще и его собственной, инструменталистской, в частности. Показательной в этом плане является статья, подготовленная им для “Энциклопедии по социальным и гуманитарным наукам”, изданной ЮНЕСКО [8, с.61–165]. Социология здесь представлена главным образом как “американская” наука. Труды не американских социологов в статье почти не анализируются. Практически отсутствуют ссылки на Э.Дюркгейма, М.Вебера, Г.Зиммеля, К.Маркса и др. Значение имеют лишь те исследования, в которых наблюдается стремление применять хоть какие-нибудь методы конкретно-эмпирических исследований. Из классического наследия в обзор попадают лишь те фрагменты, которые соответствуют выдвигаемым требованиям. Так, Вебер упомянут только как автор опросника, распространенного среди фермеров и городских рабочих в начале XX века. Соответственно, вся иерархия именитых классиков приобретает принципиально иной — “инструменталистский” — вид: критерием научной глубины выступает вклад в технику исследований, применение математически-статистических методов анализа, технологичность выводов и практических рекомендаций. Все остальное классифицируется как догматизм и обскурантизм.

Следует признать, что в пропаганде своих принципов и взглядов П.Лазарсфельд был неутомим. В 1948 году он консультирует правительство Норвегии на предмет создания Института социальных исследований, в котором он был первым американским профессором. В 1958-м он становится первым западным социологом, который прочитал курс лекций в Польше; в 1959-м принимает участие в подготовке программы научного обмена между Югославией и США. С 1958-го по 1964-й Лазарсфельд играет решающую роль в создании Венского института, предназначенного для налаживания

научных связей между Востоком и Западом; в течение 1962–1963 годов преподает в Сорбонне, все это время активно участвуя в организации работы Международного Совета по социальным наукам под эгидой ЮНЕСКО.

В результате всей этой активности авторитет и слава Лазарсфельда достигают в 60-х годах своего апогея. Его концепция социологии становится господствующей не только в США, но и в Западной Европе. Деятельность таких структур, как ЮНЕСКО, и других влиятельных международных научно-культурных центров сосредоточивается на исследовании отношений между политикой и социальными науками. Именно ему ЮНЕСКО поручает подготовку и редактирование “Энциклопедии по социальным наукам”. П.Лазарсфельд становится “знаковой” фигурой и в значительной мере определяет направление и содержание эволюции социологии 50–60-х годов XX столетия.

К счастью, осуществить полную “интеллектуальную колонизацию” Европы американцы не смогли, так же, как не смог Лазарсфельд полностью инструментализировать европейскую социологию. Американская культура не настолько преобладала над европейской, чтобы подчинить ее своему всестороннему влиянию и контролю, а инструментальная социология П.Лазарсфельда не совсем вписывалась в традиционную для европейских социальных наук склонность к обобщениям и теоретической концептуализации действительности. Тем не менее определенный след в европейской социологии он после себя оставил. Без этого она сегодня, пожалуй, имела бы совершенно иной вид. Для нас же история жизни и творчества П.Лазарсфельда интересна еще и потому, что украинская социология переживает ныне нечто подобное тому, что происходило в послевоенной Западной Европе, и именно в силу этого она актуальна и поучительна.

Литература

1. *Adler M.* Das Verhältnis der Nationalen zur Socialistischen Idee. — Wien, 1933.
2. *Bauer O.* Die Socialdemocratie und die Nationalitätenfrage. — Wien, 1907.
3. *Horowitz I.L.* Foundations of Political Sociology. — N.Y., 1972.
4. *Jey M.* The Dialectical Imagination. A History of the Frankfurt School and the Institut of Social Research 1923–1950. — London, 1973.
5. *Kolner Zeitschrift für Sociologie und Social Psychologie.* — 1976. — № 4.
6. *Lazarsfeld P.F.* An Episod in the History of Social Resarch // Intellectual Migration: Europe and America 1930–1996. — Cambridge, 1969.
7. *Lazarsfeld P.F.* The Art of Asking Why. — National Marketing Review. — 1935. — № 1.
8. *Lazarsfeld P.F.* Sociologie // UNESCO, Main Trends of Research in the Social and Human Sciences. — P., 1970. — Vol.1.
9. *Morison D.E.* Kultur and Culture: The Case of Theodor Adorno and Paul Lazarsfeld// Social Research. — 1978. — Vol. 45. — № 2.
10. *Pollak M.* Lazarsfeld, fondateur d'une Multinational Scientifique // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. — P., 1975. — № 25.